

КРЕСТЬЯНСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. Д. Карпачёв

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 марта 2023 г.

Аннотация: *крестьянство России долгое время являлось опорой монархического политического строя. Кроме того, экономический консерватизм большинства крестьян был связан с натурально-потребительским характером хозяйств и общинным строем сельской жизни. Аграрные реформы начала XX в. привели к кризису крестьянского общинного консерватизма и появлению как новых экономических перспектив, так и общественно-политических рисков.*

Ключевые слова: *Россия, крестьянство, община, реформы, приватизация, земельная собственность, хозяйственный прогресс, социальные конфликты.*

Abstract: *the Russian peasantry for a long time presented itself as a real foundation of the autocratic political regime of the Russian monarchy. Besides, the economic conservatism of the Russian peasantry was based on communal land property and communal obligations. The agrarian reforms led to the deep crisis of the communal peasant economy. Russian peasants received optimistic economic perspectives and evident political risks and contradictions at the beginning of the 20th Century.*

Key words: *Russia, peasantry, commune, reforms, privatization, land property, economic progress, social conflicts.*

Общественно-политическая мысль в дореволюционной России практически всегда исходила из того, что жизнестойкость народных устоев – это залог успешного и органического развития как государства, так и всех его социальных слоев. У идеологов же консерватизма неизменное внимание уделялось русскому крестьянству. В построениях консерваторов оно рассматривалось как естественный носитель национальной самобытности и как главный оплот отечественного государственного строя.

Известные основания для таких суждений были. Российское самодержавие на протяжении многих веков опиралось не только на узкий слой привилегированных классов, но и на монархические настроения народа, в первую очередь, конечно, крестьянства. Как отечественные, так и зарубежные историки зачастую именовали крестьянский монархизм наивным. Однако таким он был только на первый и при этом поверхностный взгляд. В действительности же наивно в нем было мало. За столетия своей нелегкой истории крестьянство прочно усвоило представление о неограниченном самодержавии как о наиболее оптимальной для России форме политического устройства. Понятия о долге перед родиной и о царской воле в массовом крестьянском сознании были неотделимы, что консерваторы вполне закономерно

рассматривали как условие морально-политической устойчивости русского общества. В массе своей русское крестьянство было глубоко убеждено, что прочность мироздания обеспечивается естественным и органичным единообразием: один Бог на небе, один царь в государстве, один хозяин должен быть в доме.

Вполне понятно, что такое мировоззрение было чуждо политически активной части русской интеллигенции. Очень точно в своих мемуарах на этот счет высказался С. Ю. Витте. В начале XX в., писал он, в просвещенных кругах России оппозиционные настроения развились очень широко. «Крестьянство же осталось верным своим традиционным воззрениям, по которым народ не может существовать без царя, а царь может стоять только на народе, и никаких политических преобразований не желало и о них не мечтало, но оно находило, что ему, крестьянству, трудно жить, что ему должна принадлежать если не вся, то большая часть земли русской, что они главные работники на земле, а что потому эксплуатирующий их труд, кто бы он ни был, дворянство ли, купечество или вообще интеллигенция, суть по меньшей мере трутни, а потому гораздо более мечтало об экономических, социальных преобразованиях, нежели о преобразованиях политических. Если что в России происходило дурного..., то простой народ, особенно крестьянство, никогда государя в этом не винил. Они не могли себе представить, что государь может быть в чем-либо виновен, а если и есть виновные, то вино-

вные – его советчики, все те же дворяне различных категорий и различных происхождений» [1, с. 483]. Естественно, что с такими убеждениями народа были вполне солидарны консервативно настроенные слои бюрократии и общества.

На устойчивость консервативной мысли во второй половине XIX в. свое влияние оказали условия крестьянского освобождения от крепостной зависимости. Реформа 19 февраля 1861 г. оставила самое массовое сословие России в особом правовом пространстве. Крестьяне, объединенные в сельские общества, обособлялись от прочих социальных слоев, прежде всего в области правосудия. В общинах сохранялись сословные учреждения самоуправления, порядок совершения которого определялся традицией. В качестве основного юридического регулятора крестьянской жизни в государственной деревне был сохранен, а в бывшей помещичьей учрежден волостной суд. Глава третья второго раздела «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» гласила, что в пределах волости крестьяне должны были из своей среды ежегодно избирать суд в количестве от четырех до двенадцати судей. Избранным в состав такого суда крестьянам необходимо было ведать «как споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам» [2, с. 57].

Стоит обратить внимание на то, что по внешним признакам волостной суд был самым демократическим учреждением. Самодержавное правительство демонстрировало доверие к здравому смыслу народа, полагая, что режим крестьянского самоуправления сможет стать достойной заменой исчезавшей крепостнической опеке дворянства. При этом инициаторы преобразований хорошо понимали, что волостные суды не могли руководствоваться в своей деятельности нормами писаного закона. Для этого крестьянским судьям не хватало ни общей грамотности, ни традиций гражданского поведения. Расчет был, естественно, только на силу народных обычаев, на сложившиеся в крестьянском сословии нормы морали и стереотипы поведения, т. е. на то, что на языке того времени именовалось как «обычное право».

Долгое время в консервативных кругах России держалось убеждение в том, что специфические формы крестьянского самоуправления, включая волостные суды, надежно служат общественному спокойствию и безопасности государства. Известные основания для такой уверенности у коронной власти были. Устройство крестьянского мира на протяжении столетий было одной из самых надежных опор самодержавного строя. Всем своим строем крестьянская семья, а вместе с ней и община воспроизводили на уровне народной жизни модель авторитарного государства с неограниченным правителем во главе. Естественная забота о стабильности государственно-

го порядка побуждала верховную власть к сохранению сословной и правовой обособленности многомиллионного российского крестьянства и после отмены крепостного права.

Таким образом, стихийный консерватизм крестьянских установлений вполне соответствовал традиционализму самодержавного политического строя; ни тот, ни другой не были склонны к восприятию глубоких новаций. Отменив крепостничество, самодержавное государство искало залогов стабильности в народных обычаях и надеялось, что с потерей помещичьего административного контроля именно общинные порядки с их «обычным правом» не дадут освобожденному народу войти в состояние социальной неуправляемости. Как известно, о такой опасности неизменно предупреждали открытые противники крестьянской эмансипации. Надо учесть, к тому же, что положиться на традиционные крестьянские обычаи верховная власть должна была и по необходимости. Правительству просто нечем было заменить разом отмененную административную власть помещиков. Кроме того, опыт истории убеждает, что авторитарный режим в России довольно уверенно функционировал при торжестве коллективистского начала над индивидуальным. Словом, крестьянская община с ее «обычным правом» в течение нескольких десятилетий была для самодержавного государства жизненной необходимостью. И она до определенно-го времени оправдывала расчеты властей.

Однако к концу века ситуация стала быстро ухудшаться. Настойчивая поддержка общины с ее круговой порукой неожиданно для властей обернулась стремительным ростом социальной нестабильности в русской деревне. Крестьянская общинная солидарность все чаще стала проявляться в откровенно противоправных акциях: самовольных захватах частновладельческих земель, коллективных столкновениях с администрацией и помещиками, в грабежах дворянского имущества и т. п. Примечательные зарисовки своеобразного общинного коллективизма отрицательного свойства привел в своих содержательных воспоминаниях видный государственный деятель начала XX в. князь С. Д. Урусов. Будучи землевладельцем Калужской губернии, он в неурожайный год решил помочь крестьянам и распорядился выдать соседнему крестьянскому обществу беспроцентную ссуду в виде семян овса для посева обедневшим односельчанам. Однако за ссудой явилось все общество. На предложение указать неимущих явившиеся ответили решительным отказом, заявив, что если давать, то всем, а не отдельным крестьянам. «Берем всем обществом и отвечаем всем обществом». Но когда пришел срок возврата ссуды, то нашлось 3–4 двора, которые не смогли или не желали возвращать долг. В результате долг не верну-

ли крестьяне вообще. Как заявил староста, община действует коллективно и не собирается рассчитывать за должников. Тем более что не вернувшие долг могут просто посмеяться над послушным большинством [3, с. 560–561]. Круговая порука обернулась для землевладельца неожиданной и при этом разрушительной стороной.

Анализ происходивших перемен в социальном поведении общинников показывал, что сохранение патриархальных институтов народной жизни способствовало обострению крайне болезненной проблемы относительной избыточности аграрного населения. Внешним выражением этой проблемы стал популярный в революционных кругах вопрос о крестьянском малоземелье, единственным способом разрешения которого радикальная интеллигенция считала упразднение частной собственности на землю и ее уравнительный передел. При быстром росте населения и естественном сокращении душевого надела общинное крестьянство неминуемо тяготело к конфискационным и перераспределительным решениям, которые, с точки зрения властей, никак не соответствовали понятиям о законности и праве.

Большим достоинством общины в глазах консерваторов долгое время считалось ее противодействие развитию пролетариата в среде русского крестьянства. Действительно, общинные уравнительные переделы неизменно оставляли абсолютное большинство русских крестьян в положении собственников. Более того, крестьянская надельная земля после реформ 1860-х гг. была фактически выведена из рыночного оборота и не могла быть продана другим владельцам. По этой причине общие размеры крестьянского общинного землевладения за пореформенные десятилетия заметно увеличились, хотя душевое земельное обеспечение сократилось из-за роста населения в среднем по стране почти в два раза (с 4,8 до 2,6 дес.). Однако защитники традиционных устоев старались не замечать, что уравнительные переделы и хозяйственная солидарность прекрасно уживались внутри общинного крестьянства с проявлениями крайнего индивидуализма. При переделах крестьяне чрезвычайно ревниво следили за тем, чтобы земельные участки разного качества и разной удаленности получала каждая «душа» поровну. Поэтому-то крестьянский надел состоял из многих (иногда до 50–60) полос. Такая чересполосица создавала крайние неудобства в работе (одни переезды чего стоили!), однако душу общинника согревала мысль о том, что страдает не он один, что так трудятся все его односельчане. «Тебе хорошо, а мне худо, так пускай же и тебе будет худо. Поровнять...», – так горестно оценивал рутину сельской жизни популярный в свое время герой очерков Г. И. Успенского хозяйственный мужик Иван Ермолаевич [4, с. 62]. Добавим к этому, что при си-

стематических переделах крестьяне не проявляли особого желания заботиться о качестве земли; хорошо удобренные и обработанные участки легко могли перейти к другим хозяевам. При страшной чересполосице вывоз навоза на поля нередко был просто убыточен, и крестьяне черноземных губерний порой просто вываливали его в овраги. Не случайно использование земельных угодий общинным крестьянством нередко характеризовалось специалистами как хищническое.

Административные и правовые функции общины были узаконены Положениями 1861 г. При этом бюрократы-реформаторы придали делу крестьянского освобождения принудительный и, по сути дела, безальтернативный характер. Выбора не было ни у помещиков, ни у крестьян. Первые должны были предоставить свободу и земельное обеспечение, а вторые обязаны были принять освобождение и причитавшиеся им наделы. Старательно регламентируя процесс эмансипации, высшие чиновники рассчитали даже для каждого уезда обязательные размеры крестьянских наделов, а также нормы оброков за их пользование и соответствующую стоимость выкупа этих наделов в общинную собственность. Либеральные бюрократы искренне полагали, что без тотального административного контроля освобождавшееся крестьянство управляться не могло. Вот почему закон весьма детально расписал функции общины, обязанной обеспечить управляемость крестьян, а также своевременное выполнение ими фискальных и иных повинностей [2, с. 48–51].

Примечательно, что обязательность основных условий крестьянского раскрепощения вызвала у дворян острое недовольство. Не без определенного основания многие из них видели в этом противоречие самому духу эмансипации. Обязательное наделение по обязательным нормам, а затем обязательный выкуп никак не соответствовали представлениям о свободе хозяйственной деятельности. В этом, в частности, были убеждены воронежские депутаты, отправившиеся в августе 1859 г. в Петербург на дворянский съезд. Здесь губернский предводитель дворянства И. В. Гагарин открыто примкнул к консервативно настроенной группе дворян-олигархов (так называемой фронде) и с негодованием аттестовал стремление лидеров Редакционных комиссий как желание «ввести административным путем начала коммунизма» [5, с. 191].

Надо признать, что известные основания для столь резкой оценки у воронежского предводителя были. Под прикрытием фигового листка «добровольного пожертвования» либералы-бюрократы, считал он, заносят в сознание народа зерна социализма. Ни для кого не стало к тому времени секретом, что фактически планировалось, а затем и осуществилось принудительное перераспределение земельной соб-

ственности, да еще в громадных масштабах. По сути дела, реформаторы стремились реализовать свою образную административно-хозяйственную утопию: преобразования должны были вывести Россию на путь ускоренной промышленной, транспортной и культурной модернизации и при этом сохранить громадное преобладание в хозяйственной жизни самодостаточных крестьянских общин.

Совсем не случайно, что одновременно в идейную борьбу за сохранение общины и других устоев традиционного крестьянского быта активно включилась радикальная русская интеллигенция. Выступая под флагом народничества, демократы долгое время (от А. И. Герцена до эсеров) усматривали в общинных порядках особую предрасположенность русского крестьянства к социализму. Прежде всего отмечались отсутствие частной собственности на землю и способность к мирскому самоуправлению. Взгляды на общину консерваторов-монархистов и радикалов-социалистов при очевидной противоположности целевых установок сходились на общем отрицании либерального реформирования устоев крестьянской жизни. При этом ни у поклонников общины в правительственном лагере, ни у оппозиционной интеллигенции не было ощутимых успехов в решении вопросов крестьянской жизни. Приходится констатировать, что, затрудняя крестьянскую мобильность, община способствовала усилению избыточности аграрного населения, что, в свою очередь, консервировало застой в экономике деревни. О бездоходности крестьянских посевов много раз с тревогой говорили специалисты. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что в начале XX столетия средние урожаи с крестьянских наделов не превышали 50 пудов с десятины, а за вычетом посевного зерна чистый урожай составлял всего около 40 пудов. Подсчеты показывали, что затраты составляли не менее 75 коп. за пуд, а продажная цена зерна (около 1 руб. за пуд) едва их покрывала [6, с. 8].

Земля продолжала притягивать к себе основные массы трудоспособного населения, и именно это обстоятельство предопределило развитие депрессивных явлений в хозяйственной и социальной жизни богатого земельными ресурсами региона. Изнурительная чересполосица, длинно- и дальнотелье, принудительный трехпольный севооборот начинали отталкивать все более значительные группы труженников. На это обстоятельство обратил внимание известный соратник П. А. Столыпина датский специалист А. А. Кофод. Хозяйственная архаика общины, отмечал он, выталкивала из земледелия деятельную часть крестьянства. «Так, – писал Кофод, – на востоке, в астраханских, уральских и даже воронежских степях, в местностях арендного хозяйства, бывает, что крестьяне и казаки крупных сел и станиц, убе-

дившись в невозможности успешного ведения хозяйства на разбросанных полосах, отдаленных от их местожительства иногда до десятка и более верст, отдают свои надельные земли в аренду участками или гуртом, сами иногда совершенно отказываясь от занятий сельским хозяйством» [7, с. 3]. Понятно, однако, что в деревне были и те, кто по-прежнему дорожил землей и даже брал ее в аренду, невзирая на все рыночные невыгоды земледелия. Но, как видно, неудержимо росла прослойка и тех крестьян, над которыми пресловутая власть земли начинала терять свою силу. Материальные выгоды промыслов, их возраставшее многообразие все более активно нарушали патриархальную неподвижность крестьянской жизни.

На рубеже XIX–XX вв. аграрная экономика земледельческого центра определенно заходила в тупик. Систематически повторявшиеся недороды обрекали массы крестьянства на полуголодное существование. Но и в случае обильных урожаев в губернаторских отчетах звучала тревога, правда, совсем иного рода: на выращивание и уборку хлебов крестьяне тратили огромные усилия, между тем избыток зерна вел к сильному падению цены на него. Продажа зерна в такие годы не могла окупить трудовых и материальных затрат на его производство. Так было, например, в 1897 г., когда воронежский губернатор В. З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса [8, с. 312].

В общественном мнении и в правительственных сферах широко распространилось суждение об усиливавшемся обеднении русской деревни. Оскудение земледельческого центра страны считалось тем более тревожным, что оно отмечалось на фоне высоких темпов развития промышленности и транспортной сети всей России. При этом признавалось, что общее обеднение земледельческих хозяйств не могло быть вызвано только недостатками реформы 1861 г. Падение доходности хозяйств проявлялось не только у бывших помещичьих крестьян. Их доля в составе крестьянского населения Воронежской губернии, например, не превышала 29 %. Зато свыше 70 % крестьянских хозяйств являлись бывшими государственными крестьянами с, казалось бы, достаточным земельным обеспечением. Тем не менее оскудение отмечалось и у них.

Община с ее статичным характером натурально-потребительского хозяйства не соответствовала курсу на ускорение темпов развития промышленности и транспорта. К началу XX в. в экономике страны возникла опасная диспропорция. Не успевавшая за развитием города деревня не могла обеспечить необходимого для промышленности роста внутреннего рынка. Социально-политическим следствием такого положения стало беспрецедентное повышение агрес-

сивности общины по отношению к частному землевладению и к государственной власти. Не пресловутое засилье помещичьего землевладения и крепостнических остатков, а как раз проблема аграрного перенаселения крестьянских общин стала главным дестабилизирующим фактором в жизни русской деревни, а вслед за ней и всей страны. Курс на социально-экономическую и культурную модернизацию требовал ускоренного сокращения доли крестьянства в составе населения империи. Община же становилась важнейшим социальным препятствием на пути структурных перемен экономического, а вслед за ними и демографического характера. Не случайно о переселениях из Центрального Черноземья на восток страны заговорили после голодного двухлетия 1891–1892 гг.

Начавшееся на исходе первой русской революции столыпинское землеустройство всем своим содержанием было направлено на рационализацию аграрного строя и не могло не встретить упорного сопротивления основной массы общинного крестьянства. Причин негативного отношения большинства общинников к аграрным новациям было много. Но одна из важнейших состояла, безусловно, в том, что в крестьянском сознании общинные традиции связывались с относительной безопасностью деревенской жизни, со способностью народа противостоять суровым натискам природы или властей. Такое отношение, в свою очередь, свидетельствовало о том, что для большинства великорусских крестьян ценности экономической свободы и рыночного процветания были еще совсем не доступны. Традиционный аскетизм русского крестьянина был отражением того непреложного факта, что материальная безопасность бытия ценилась народом куда больше, чем вероятность хозяйственного и тем более производственного успеха.

Вот почему для многих крестьян было характерно враждебное отношение к попыткам разрушения общины, особенно в первые годы реализации столыпинского законодательства. Крестьяне многих селений отказывались дать согласие на выделение наделов тем односельчанам, которые отваживались принять новые условия хозяйствования, препятствовали работам землеустроительных комиссий, порой открыто и буйно сопротивлялись властям. Корреспонденции из Воронежской губернии сообщали, что крестьянам, выходящим на отруба, общинники нередко били рамы, угрожали физической расправой, не пропускали скот через общие угодья и т. п. Тем же, кто все-таки настаивал на выделении, пытались отвести самые непригодные земли, рытвины, глину и т. п. [9, с. 106].

Агрессивное отношение общинников по отношению к односельчанам-«новаторам» совсем не означало, что большинству крестьян было вообще чуждо

стремление к материальному успеху. Жить богаче и сытнее хотел, конечно, каждый. Но такое желание не должно было размывать традиционных устоев. Вот почему община вполне мирно уживалась с кулаком, а кулак, в свою очередь, охотно поддерживал общинные порядки. Кулачество не подрывало общинного строя и поэтому не отвергалось крестьянским сознанием. На это обстоятельство обратил внимание еще авторитетный знаток сельской жизни А. Н. Энгельгардт. «Известной дозой кулачества, – замечал он, – обладает каждый крестьянин, за исключением недоумков да особенно добродушных людей и вообще “карасей”. Каждый мужик в известной степени кулак, щука, которая на то и в море, чтобы карась не дремал». У крестьян, подчеркивал А. Н. Энгельгардт, «крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации. Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству – все это сильно развито в крестьянской среде. Кулаческие идеалы царят в ней, каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянин, если обстоятельства тому благоприятствуют, будет самым отличнейшим образом эксплуатировать другого, все равно, крестьянина или барина, будет выжимать из него сок, эксплуатировать его нужду» [10, с. 520]. Это вполне достоверное свидетельство писателя-народника лишний раз убеждало: общинный консерватизм отнюдь не мешал духу индивидуальной наживы, что неизбежно вело к деформации крестьянской морали.

Община была вполне совместима с резкими контрастами в имущественном положении крестьянства. Она была несовместима лишь с таким хозяйственным успехом, который достигался на почве производства товарной продукции. Как подмечал тот же А. Н. Энгельгардт, непредприимчивое большинство крестьян не только не может быть хорошими хозяевами, но даже и работать хорошо не умеет. «Положительно можно сказать, что деревня и общинное владение землей спасают многих малоспособных к хозяйству от окончательного разорения» [там же, с. 287]. Именно эта сторона общины была дорога большинству крестьян. Но она же становилась совершенно неприемлемой для предприимчивых людей пореформенной генерации. С негодованием отвергал козность консервативного большинства преуспевающий персонаж повести И. А. Бунина «Деревня»: «Ты подумай только: пахут землю целую тысячу лет, да что я! больше! – а пахать путем то есть ни единая душа не умеет! Единственное свое дело не умеют делать! Не знают, когда в поле надо выезжать! Когда надо сеять, когда косить! “Как люди, так и мы”, – только и всего» [11, с. 205]. Разумеется, деятельный герой повести в запальчивости мог сгустить краски. Но в данном

случае важны не его преувеличения. Приходится признать, что именно развитие предприимчивости в производственной сфере представляло для общины главную угрозу и побуждало ее к активному противодействию правительственным преобразованиям либерального характера.

Защитные действия общинников в годы столыпинских нововведений были подчас чрезвычайно энергичными. Неизбежные в ходе размежевания сельскохозяйственных угодий конфликты порой выливались в полные разгромы хозяйства «выделенцев» и даже в физические расправы с «новыми помещиками». Так с иронией и одновременно со злостью общинники именовали своих соседей, укреплявших наделы в частную собственность. «Погромы же “новаторов” свидетельствовали не столько о росте революционных настроений в деревне, сколько об активизации консервативных устремлений бунтовавших крестьян, об их стремлении вернуть односельчан в прежнюю общинную колею» [5, с. 138]. Как убедительно показал в своем исследовании В. П. Булдаков, именно этот агрессивный традиционализм общинного крестьянства сыграл решающую роль в разгуле грандиозного «черного передела», прокатившегося по просторам России во время революционных потрясений 1917–1918 гг. [12, с. 180–185]. Крушение традиционной российской государственности практически немедленно привело к уничтожению всех столыпинских новаций. Большевистский «Декрет о земле» и диктатура комбедов только легализовали стихию общинного бунта.

Однако с обобщениями по поводу крестьянского традиционализма спешить не стоит. Российское крестьянство в начале XX столетия было представлено как консервативно настроенным общинным большинством, так и гораздо более предприимчивым меньшинством, определенно тяготевшимся традиционными стеснениями и вполне готовое к поддержке правительственных начинаний, прежде всего курса на индивидуализацию земельной собственности. Вопреки распространенному мнению, такое меньшинство было представлено не столько кулачеством, сколько представителями молодых и более динамичных поколений крестьян, чье мировоззрение довольно быстро менялось в эпоху пореформенного развития России. Если бы часть крестьян к началу XX в. не обнаруживала своего стремления избавиться от оков общинной регламентации, П. А. Столыпину вообще нельзя было бы ставить и решать проблему внутренней реорганизации крестьянской жизни на путях выхода отдельных домохозяев из общин и закрепления земельных наделов в частную собственность. Как полагает современный исследователь Б. Н. Миронов, «около трети крестьян сделали шаг в сторону личной собственности еще до столыпинской

реформы» [13, с. 480]. Региональные исследования полностью подтверждают этот вывод.

Таким образом, в начале XX столетия крестьянство вовсе не являлось однородным социальным бастионом консерватизма. Значительные слои крестьянства сразу же и охотно поддержали правительственный курс на устройство рациональных хозяйств хуторского или отрубного типа. Даже в относительно менее развитой Воронежской губернии из почти 400 тыс. крестьянских дворов более 135 тыс. изъявили желание перейти к подворному землевладению. При этом для заявления о выходе из общины от домохозяев нередко требовалось большое мужество: противодействие общинного большинства поначалу ощущалось очень заметно, а жить приходилось в одном селении.

Количество крестьянских хозяйств, проявивших склонность к отходу от привычного традиционализма, неуклонно возрастало. Конечно, рост числа крестьян-новаторов прямо зависел от экономических успехов нового аграрного курса. Среднегодовые объемы сельскохозяйственного производства за годы преобразований выросли примерно на 25–30 %. Общий объем производства хлебов достиг в 1913 г. 5,6 млрд пудов, причем сельскохозяйственные продукты являлись главным предметом российского экспорта [14, с. 58–59]. По оценкам наблюдателей, крестьяне-новаторы стали проявлять гораздо более устойчивый интерес к новой технике, к общим и агрономическим знаниям. Пробуждавшуюся в крестьянской среде тягу к сельскохозяйственным знаниям отмечали и земские агрономы, хорошо осведомленные о протекавших в русской деревне процессах. Нередки даже случаи, писал один из них, «когда поступающие в деревню книги читаются целыми группами и кружками земледельцев, объединившихся вокруг хорошо грамотного и любознательного чтеца» [15].

Ярче всего преимущества частного крестьянского хозяйства выявлялись на сельскохозяйственных выставках, проводившихся в ту пору довольно часто. Например, на выставке в Бобровском уезде в 1912 г. крестьяне-отрубники демонстрировали рожь, давшую на их наделах от 110 до 160 пудов с десятины, что по меньшей мере вдвое превышало урожаи на общинных полях. Зная картину всходов у большинства крестьян, отмечал обозреватель, «стоишь перед этим ящиком (со всходами. – М. К.) и удивляешься. Больно становится за крестьян, которые никак не могут расстаться с тяжелым наследием отцов, терпя от этого голод и холод» [там же]. Первые успехи реформ заставляли сознательную часть крестьян встряхнуться и с большим вниманием отнестись к изменению привычного жизненного уклада. По оценкам наблюдателей, крестьяне стали проявлять гораздо более устойчивый интерес к новой технике, общим и агрономическим

знаниям. Все свидетельствует о том, писал, например, участковый агроном Землянского уезда В. Семенов, «что вопросы разумного хозяйствования не в далеком будущем привлекут большой контингент хозяев» [16, с. 21].

Своеобразным испытанием крестьянской способности воспринимать непривычные новшества стало введение правительством «сухого закона» в самом начале Первой мировой войны. Как ни удивительно теперь отмечать, запрет на производство и продажу спиртных напитков совсем не вызвал массового недовольства крестьян. При этом в деревне запрет действовал гораздо эффективнее, чем в городе. Если городским властям пришлось практически сразу же столкнуться с проблемой распространения всевозможных суррогатов, то сельская администрация могла быть спокойна. По заключениям многих наблюдателей, в 1914–1915 гг. произошло массовое отрезвление деревни. И в данной ситуации надежды властей больше всего оправдывали сторонники проведения нового аграрного курса. Исследователи русской крестьянской жизни давно подметили, что сохранение общинных порядков способствовало сильному распространению пьянства. Писатель-демократ Н. М. Астырев в своих очерках с горечью отмечал все возрастающую склонность односельчан к винным угощениям. Сельский сход легко мог принять любое, подчас даже явно невыгодное для себя решение, если за этим маячила перспектива хорошей выпивки. «Я решительно не могу себе представить..., до чего еще может дойти в дальнейшем склонность к водке сельских сходов. Кажется, дальше идти некуда, ибо и теперь уже делаются невероятные вещи» [17, с. 244].

Напротив, крестьяне, покинувшие общину, нередко демонстрировали желание избавиться от пагубной привычки «обмывать» любое событие. Так, в апреле 1914 г. крестьяне-собственники села Чернава Елецкого уезда на своем сходе заявили, что бедность происходит «исключительно от злоупотребления спиртными напитками» и что дальнейшее существование этого зла грозит полнейшей гибелью «нашего имущественного благосостояния и нравственности». Поэтому вышедшие из общины крестьяне «единогласно решили прекратить указанное зло в самом его корне, а именно: совершенно прекратить как продажу, так и употребление спиртных напитков» [18, с. 25]. Об отрезвлении деревни в первые месяцы войны писали многие публицисты. В печати отмечалось даже, что сокращение пьянства привело к росту цен на сельскохозяйственные продукты, так как крестьяне стали расчетливее относиться к их продаже. Сильное влияние на повышение цен, сообщал воронежский полицмейстер, имело «закрытие винных лавок: крестьяне, вследствие прекращения пьянства, не

стали, без особой нужды, вывозить на рынок хлеб по дешевым ценам» [19]. Кстати сказать, самогоноварения деревня в первые годы войны еще не знала.

Таким образом, по ходу реформ в среде крестьян столкнулись два принципиально разных подхода, которые, условно говоря, можно назвать консервативным и новаторским. Первый из них был характерен для общинников и кулаков, второй – для крестьян, решивших воспользоваться новым законодательством, так называемых «укрепленцев». Со вторым были связаны зримые перемены к лучшему. «Русская деревня последнего десятилетия, – писал в журнале «Вестник кооперации» современник, – усиленно менялась. На какую бы сторону ее жизни мы ни взглянули – везде шла стройка, стучали топоры, звучали новые речи, и всюду из-под обомшелых камней старины пробивалась молодая сильная поросль» [20, с. 64]. Однако экономические и социальные перемены давались буквально с боем. На всех новшествах, отмечал очевидец, «лежат следы большой борьбы, долгих усилий, нередко большого взаимного озлобления. “Чтобы передохли все эти старые хрычи”, – вырывается у одной стороны. “Подождем еще. Умнее отцов захотели быть... молокососы!” – гневно отвечали вторые, и они протестовали, боролись, мешали», – так в том же журнале характеризовал обстановку в деревне обозреватель С. Маслов.

Потеря привычного образа жизни с неизбежностью повышала социально-политическую напряженность в русской деревне. Страна в очередной раз встала перед историческим выбором. А в перспективе была революция.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витте С. Ю.* Воспоминания : в 3 т. / С. Ю. Витте. – М., 1960. – Т. 2.
2. Российское законодательство X–XX веков : в 7 т. – М., 1989. – Т. 7.
3. *Урусов С. Д.* Записки. Три года государственной службы / С. Д. Урусов. – М., 2009.
4. *Успенский Г. И.* Крестьянин и крестьянский труд / Г. И. Успенский // Полн. собр. соч. : в 7 т. – М., 1950. – Т. 7.
5. *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 / Л. Г. Захарова. – М., 1984.
6. Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. – 1915. – № 1.
7. *Кофод А. А.* Крестьянские хутора на надельной земле : в 2 т. / А. А. Кофод. – СПб., 1905. – Т. 1.
8. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. – Воронеж, 2015.
9. *Чернышов И. В.* Община после 9 ноября 1906 г. : в 2 т. / И. В. Чернышов. – Пг., 1917. – Ч. 1.
10. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887 / А. Н. Энгельгардт. – М., 1987.

11. Бунин И. А. Собр. соч. : в 9 т. / И. А. Бунин. – М., 1988. – Т. 2.
12. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М., 2010.
13. Мионов Б. Н. Социальная история России : в 2 т. / Б. Н. Мионов. – СПб., 2003. – Т. 1.
14. Россия, 1913. – СПб., 1991.
15. Южнорусская сельскохозяйственная газета. – 1912. – 5 окт.
16. Семенцов В. Внешкольное образование в современной деревне Воронежской губернии / В. Семенцов // Наше хозяйство. – 1914. – № 2.
17. Астырев Н. М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления / Н. М. Астырев. – М., 1886.
18. Наше хозяйство. – 1914. – № 9.
19. Государственный архив Воронежской области. – Ф. 21. – Оп. 1.
20. Вестник кооперации. – 1916. – № 5.

*Воронежский государственный университет
Карпачёв М. Д., доктор исторических наук, профессор
E-mail: m-karpach@mail.ru*

*Voronezh State University
Karpachev M. D., Doctor of Historical Sciences,
Professor
E-mail: m-karpach@mail.ru*